Александр Доманин
Монгольская империя Чингизидов
ЧИНГИСХАН И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

Александр Доманин

Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники

«Центрполиграф»

2010

Доманин А. А.

Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники / А. А. Доманин — «Центрполиграф», 2010

В книге ярко и в доступной форме рассказывается о сложнейшем и интереснейшем периоде мировой истории – Монгольской империи Чингисхана и его преемников.Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей.

© Доманин А. А., 2010
© Центрполиграф, 2010

Содержание

Введение 6
Глава 1 9
Глава 2 21
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Александр Доманин
Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники

Памяти моего отца

Введение

В мировой истории существует немало явлений, поражающих воображение своей кажущейся нелогичностью, несоразмерностью гигантских последствий и вроде бы незначительных причин, их вызвавших, несоизмеримостью Ответа на брошенный Вызов.[1] Как укрепленный разбойничий лагерь, основанный главарем бандитов Ромулом, превратился в Вечный город – столицу могучей империи? Почему огромная Персия, у которой количество воинов превышало все население Греции, включая грудных младенцев, проиграла этим грекам войну? Каким образом дезорганизованная, голодная, необученная армия Французской Республики одержала победу над своими многочисленными врагами, стремившимися задушить Великую Революцию? Такие воображаемые несообразности можно перечислять очень долго, но куда сложнее дать ответы на подобного рода вопросы. Впрочем, некоторые явления объясняются достаточно просто: тут можно вспомнить роль личности, технологическое и моральное превосходство и так далее. Но есть факты истории, истолковать которые значительно сложнее. И одним из самых удивительных феноменов мирового исторического процесса стала монгольская всемирная империя Чингисхана и его преемников. Раскрытие основных составляющих этого уникального исторического явления – личностной, политической, психологической, военной, идеологической – и является основной задачей этой книги.

На этом пути существует немало трудностей. Одна из самых серьезных – резкое культурологическое расхождение двух очень разных типов цивилизации – кочевого и оседлого. Современному российскому читателю, воспитанному, как правило, в традициях западного типа культуры (при всем нашем своеобразии), трудно понять даже самые элементарные поведенческие стереотипы образа жизни кочевника-степняка. То, что для средневекового монгола было естественным, как дыхание, сегодня воспринимается как нонсенс. Вот классический пример, ставивший в тупик многих исследователей жизни Чингисхана: при набеге меркитов он оставил свою жену, фактически обрекая ее на неизбежное пленение, так как для нее «не хватило коня». При этом, с нашей точки зрения, лошадей хватило бы на всех, и поведение Чингисхана представляется большинству историков (особенно западных) совершенно необъяснимым, и начинаются разного рода спекуляции и просто фантазии: он не любил свою жену (что противоречит всей дальнейшей жизни Чингисхана); он рассчитывал, что ее не найдут или не тронут (нелепо!); он струсил, впал в панику и бежал, ничего не соображая (и это будущий железный полководец, создатель могучей империи). В общем, варианты можно множить, а в реальности для монгола здесь не возникало даже выбора, как поступить. Императив первый: жизнь главы семьи важнее жизни остальных ее членов. Императив второй: чтобы спастись от вражеского преследования, у главы семьи должен быть заводной конь. И все, для любого монгола абсолютно ясно, почему на девять членов семьи не хватило девяти лошадей. Одному члену семьи *действительно* недостало коня. Лишней в данном случае оказалась Борте.

Этот пример приведен здесь лишь как наиболее ярко иллюстрирующий разность менталитета кочевых и оседлых народов. Но подобного рода коллизии, пусть и не такие очевидные, возникают постоянно, затрудняя восприятие и интерпретацию фактов. Отсюда и сложность для нашего восприятия такого важнейшего источника по истории монголов, как «Сокровенное Сказание» (другое название – «Тайная история монголов»). Ситуацию еще более осложняет тот факт, что остальные источники по монгольской истории написаны представителями других типов цивилизаций – китайской и исламской. И если вторая хотя бы стремилась понять и объяснить деяния монголов, памятуя о своих полукочевых предках-арабах, за полтысячеле-

[1] Главные элементы исторической концепции английского историка Арнольда Тойнби. Его теорию иногда так и называют «теорией Вызова и Ответа».

тия до Чингисхана покоривших половину мира, то китайская культура никогда не принимала и не понимала принципов кочевого общества. Для китайцев все кочевники были варварами, сеющими смерть ради грабежа и бессмысленного разрушения. Между тем, в силу географических причин именно китайские источники являются наиболее многочисленными (особенно до середины XIII века). Впоследствии, после монгольских завоеваний, появилась и еще одна группа источников – панегирические по отношению к Чингисхану и его преемникам. В них тоже непросто отделить правду от лжи, но, если можно так выразиться, – в обратном смысле.

В целом великие потрясения эпохи Чингисхана и его наследников описаны достаточно подробно в сочинениях разных народов – собственно монгольских, китайских, арабских, русских, армянских, западноевропейских. Здесь не место для подробного историографического очерка, но стоит назвать хотя бы важнейшие из исторических источников на эту тему. В первую очередь следует назвать удивительное, а в чем-то и уникальное «Сокровенное Сказание». Написанное одним из ближайших сподвижников Чингисхана (возможно, его приемным сыном Шиги-Хутуху) вскоре после смерти великого завоевателя, оно дает совершенно исключительный взгляд изнутри, взгляд почти непосредственного очевидца событий или, по крайней мере, собеседника очевидцев, больше того – прямых творцов этих событий, не исключая, вероятно, и самого Чингисхана. В общем, значение этой небольшой книги трудно переоценить, особенно в том, что касается периода, предшествующего великому курултаю 1206 года, провозгласившему создание монгольской империи. Есть у «Сокровенного Сказания» и минусы, как это ни странно, напрямую связанные с главным плюсом – монгольским происхождением. Это и почти полное отсутствие датировок, особенно событий XII века – периода становления державы Чингисхана. Это и сам характер сочинения – в первую очередь, это все-таки «Сказание», а не «История». В этом смысле она перекликается с известнейшим «Словом о полку Игореве». Литературный характер произведения часто толкает автора к иносказаниям, умышленным неясностям и вуалированию. «Умному достаточно» – вот кредо создателя «Сокровенного Сказания».

Вторым важнейшим свидетельством эпохи монгольских завоеваний является знаменитый «Сборник летописей» («Джами ат-таварих») Рашид ад-Дина. Этот выдающийся историк в течение двадцати лет занимал важнейшие чиновничьи посты при монгольских ханах Ирана – Хулагуидах. По заказу ильханов[2] им и был создан (точнее, отредактирован) этот выдающийся труд. В силу своего высокого положения Рашид ад-Дин был допущен к совершенно секретной информации – знаменитому «золотому сундуку» – семейным реликвиям Чингизидов, в котором хранились тексты, посвященные родовой истории Чингисхана, описанию походов и деяний создателя империи и его потомков. Выражаясь современным языком, эта информация была полностью закрытой и предназначалась только для членов царствующей династии. Заслуга Рашид ад-Дина в том, что он сделал ее доступной, хотя, очевидно, не в полном объеме. Конечно, в силу объективных причин, труд этот во многом панегиричен, тем не менее, с точки зрения фактологии он совершенно незаменим.

Отметим и еще одну важную группу источников – произведения китайских авторов. Особое место среди них занимает «Полное описание монголо-татар» («Мэнда бэй-лу») Чжао Хуна. Это единственный текст, написанный еще при жизни Чингисхана, – что называется, по горячим следам. Если учесть уже упомянутую специфику китайской историографии, то сочинение Чжао Хуна (заметим, непосредственного свидетеля завоеваний Чингисхана – он был послом южнокитайской династии Сун в ставке Мухали, ханского наместника в северном, Цзиньском, Китае) нужно оценить достаточно высоко. Другой важнейший китайский труд по истории монгольской империи, легендарная «Юань-ши» («История династии Юань», т.е. Чин-

[2] Ильхан – «звездный хан». Так называлась монгольская династия, основанная внуком Чингисхана Хулагу и правившая в Иране с 1256 по 1353 год.

гизидов), весьма информативна, но, к сожалению, лишь небольшая ее часть переведена на русский язык – вероятно, из-за ее большого объема.

В заключение этого небольшого историографического экскурса стоит отметить еще одну очень интересную группу исторических свидетельств – произведения европейских авторов, в силу разных обстоятельств оказавшихся среди монголов. Это «История мунгалов» Плано Карпини, «Путешествие в восточные страны» Гийома де Рубрука и широко известная (хотя известность эта довольно сомнительная) «Книга Марко Поло». Особенно ценна книга Рубрука – вообще человека приметливого, удивительно наблюдательного. Рубрук лично встречался с Батыем (Бату) – покорителем Руси, с последним всемонгольским ханом Менгу (Мункэ) и оставил очень яркие зарисовки монгольского быта.

Конечно, этим кратким перечнем далеко не исчерпывается почти необозримая литература, посвященная истории монгольской империи. Для интересующихся этой темой в конце книги приложен библиографический список источников и литературы. Здесь же необходимо сделать немаловажное авторское отступление.

При работе над этой книгой я столкнулся с целым рядом специфических проблем (в дополнение к уже упомянутым). Так, например, в силу разноязычности источников большую сложность представляла правильная передача имен собственных, географических названий и т.п. Скажем, имя знаменитого полководца Субэдэя, одного из «четырех псов» Чингисхана, имеет, по меньшей мере, десяток записанных вариантов произношения. Не желая вступать в спор с профессиональными монголоведами, я выбрал следующую схему: там, где в русском языке уже сформировался некий общепринятый принцип написания, будет применяться именно он. Будет «Темучин» вместо более близкого к монгольскому «Тэмуджин», «Тэмучжин». Джучи вместо Джочи, Батый вместо правильного Бату и т.д. Иногда это будет дополнительно оговариваться, но я посчитал, что перегружать книгу этим не стоит. В большинстве остальных случаев будет принята транскрипция Рашид ад-Дина, иногда – «Сокровенного Сказания». В спорных случаях – например, когда неясно, идет ли речь об одном и том же человеке, автор оставляет за собой право на собственное мнение.

Еще в большей степени это касается некоторых небесспорных фактов или их различной интерпретации в исторической литературе. По ряду случаев у меня имеется своя версия событий, отличающаяся от принятых в современной историографии: например, о происхождении названия «монгол», о двукратном провозглашении Темучина Чингисханом и т.д. Такого рода авторские версии будут по возможности оговариваться; вместе с тем, я считаю, что авторская интерпретация событий, при условии, что факты изложены верно, – неотъемлемое право историка. За точность же изложения фактов я ручаюсь.

В заключение этого несколько затянувшегося введения добавим, что автор ставил перед собой цель понятным языком рассказать о сложнейшем и интереснейшем периоде мировой истории. При этом мне хотелось сохранить максимальную объективность повествования, без развешивания ярлыков вроде «Темучин – кровавый пес войны» или полярной точки зрения – «Темучин – величайший герой». К сожалению, многие, особенно современные оценки, страдают подобной субъективностью. Я постарался в меру своих сил писать «без гнева и пристрастия». Тебе, читатель, судить, насколько это у меня получилось.

Александр Доманин

Глава 1
Великая степь в пространстве и времени

Восемьсот лет назад, в самом начале весны 1206 года, у истоков реки Онон (на границе современных России и Монголии) произошло событие планетарного масштаба, которое его современники, кроме, конечно, самих участников, практически не заметили. Некий князь кочевых монголов Темучин из рода Кият-Борджигин был поднят на кошме из белого войлока и провозглашен своими сподвижниками ханом всех монголов – Чингисханом[3]*. Так выбирались ханы и за тысячу лет до него, и от скольких из них – больших и маленьких – в истории порой не осталось даже имени… С Чингисханом получилось иначе. Уже через несколько десятилетий стало ясно, что март 1206 года явился поворотной вехой истории – датой создания великой Монгольской империи.*

Монгольскую империю Чингизидов иногда называют «степной империей». Название по сути неверное, ведь в период своего расцвета держава монголов простиралась от лесов Северной Руси до тропических джунглей Вьетнама. 95% жителей нового сверхгосударства оседло жили вне пределов степи – в горах, лесах, речных долинах и оазисах. И все же, если взять действительно главный стержень новой державы, то название это правильное. Степь сформировала весь образ жизни монгольских завоевателей, наложила свой властный отпечаток на их менталитет и культуру; гигантские степные просторы, словно костяк, скрепляли всю огромную империю. Нигде, кроме степи, монгол не мог чувствовать себя по-настоящему счастливым. И эта степь, породившая и взрастившая величайших в мировой истории завоевателей, по праву получила название Великой.

От берегов Адриатического моря до Тихого океана и уссурийской тайги, через всю Евразию протянулась Великая степь. Десять тысяч километров с запада на восток, две, а то и три тысячи с севера на юг – и размеры, и географическое положение делают Великую степь настоящим становым хребтом крупнейшего континента Земли. С севера ее ограничивают сибирская тайга и смешанные леса Русской равнины, с юга – великие горные системы Евразии, от Наньшаня до Кавказа. И сама степь далеко не представляет собой единое пространство, поросшее травой от горизонта до горизонта, как многие привыкли думать. И природа, и климатические условия достаточно четко делят Великую степь на две половины.

Западная часть Великой степи, более низменная и влажная, включает в себя почти всю территорию нынешнего Казахстана, степную зону Западной Сибири и Урала (от гор Алтая и верховьев Оби до Волги и Каспия), Причерноморскую (или Южнорусскую) степь и упирается в Карпатские горы, за которыми лежит последний ее отросток – венгерская пушта. Эту западную часть Великой степи в большей или меньшей степени питают своими дождями и снегопадами циклоны, идущие с Атлантики. Летом это создает изумительные условия для пастбищного и кочевого скотоводства. Но зимой… Наверное, все помнят картину снежного бурана, описанную Пушкиным в «Капитанской дочке». Снега наносит по колено, а то и по пояс человеку, многочисленный скот прокормить в этих условиях почти невозможно. Поэтому стада на зиму всегда переводят на стойловое содержание. Пастухи-скотоводы вынуждены переходить к оседлой жизни, строить себе добротные дома для защиты от буранов, и так – до следующей весны. Именно поэтому в западной части Великой степи не сложилось и не могло сложиться подлинно кочевое скотоводческое хозяйство. Такой образ жизни лучше назвать полукочевым, и он формировал и свою особенную культуру, и особенные общественные отношения. Весной и летом кочевники Западной степи представляли собой грозную силу, неожиданно появляясь

[3] О возможных значениях слова Чингис см. ниже, в гл. 6.

и нападая на соседей-земледельцев. Зимой, прикованные к местам своих стоянок, они становились очень уязвимы для ответной атаки (вспомним хотя бы 60 (!) походов Владимира Мономаха на половцев). В этих условиях полукочевники западной части великой степи, окруженные куда более многочисленными оседлыми народами, так и не смогли создать собственного государства. Иное дело – восточная половина.

Атлантические циклоны, увлажняющие западную степь, значительно слабеют после многотысячекилометрового пути над сушей (поэтому, между прочим, казахские степи куда более засушливы, чем, например, донские). А в конце этого пути их встречают мощные горные преграды Алтая и Тянь-шаня, преодолеть которые они не могут. Тихоокеанские муссоны в зимний период движутся от материка к океану. В результате в Центральной Азии зимой царит самый мощный в мире антициклон (так называемый азиатский максимум). Воздух свеж и прозрачен, и, несмотря на постоянные жестокие, особенно ночью, морозы (до -50 градусов) степь в течение всей зимы остается практически бесснежной. Сухая прошлогодняя трава легко доступна для травоядных животных на всем необозримом пространстве восточной степи. Весной воздух, раскаленный от перегретой палящими солнечными лучами почвы размывает нижние слои атмосферы, и в образовавшуюся полосу низкого давления вторгаются несущие обильную влагу тихоокеанские муссоны. Степь словно вскипает жизнью. Травы, особенно в Восточной Монголии и предгорьях Большого Хингана, достигают человеческого роста, а порой скрывают и всадника с конем. И этой травы хватает многочисленным степным животным, домашним и диким, на весь год. Скот кочует со своими хозяевами-пастухами от пастбища к пастбищу, никогда не задерживаясь подолгу на одном месте. Кочевой образ жизни приобретает в этой части степи абсолютный и непреложный характер со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не привязанные к одному месту, мобильные в любое время года и почти неуязвимые для медлительных и неповоротливых армий оседлых соседей, кочевники превращаются в страшную силу… если находится власть, способная их объединить. Когда такая власть (или личность) возникала, в восточной части Великой степи появлялись могучие государственные образования: держава Хунну, тюркский Вечный Эль и, наконец, Монгольская империя Чингисхана.

И здесь пора перевести взгляд с географии Великой степи на ее историю. А история эта не менее интересна и богата событиями, чем история любой из древнейших и крупнейших стран мира.

Если начинать, так сказать, ab ovo[4], то следует сразу отметить, что с точки зрения ландшафтной Великая степь – сравнительно новое образование. Уральские горы стояли и сто миллионов лет назад; миллионы лет напластовывает на Китайскую равнину свои лессовые отложения Хуанхэ, в такую же древность уходят тропические леса Африки и Южной Америки. Великая степь в том виде, в каком она предстает сейчас, сформировалась менее десяти тысяч лет назад. То есть, она – ровесница великой неолитической революции, сверстница первых городов, построенных людьми, в каком-то смысле ровесница самой человеческой цивилизации. Только после окончательного таяния последнего ледника, загораживавшего путь атлантическим циклонам, формируется климат, определивший и границы, и историю Великой степи. К северу от нее, в зоне наиболее интенсивных циклонов, от избытка влаги выросли леса, отделившие ее от своей северной сестры – тундры. Ледниковые озера в центре степи по большей части высохли, создав полосу пустынь, крупнейшая из которых – каменистая Гоби – разделила Монголию на внутреннюю (южную) и внешнюю (северную). К концу третьего тысячелетия до нашей эры степь приобрела современные очертания, и к этому же сроку для нее настало время человечества.

Нельзя, конечно, сказать, что именно в это время тут появились первые люди. Дети ледника, охотники на мамонтов и длинношерстных носорогов, бродили здесь, когда не было еще

[4] ab ovo – «от яйца» *(лат.),* т.е. с самого начала.

и самой степи. На берегах многочисленных благодатных ледниковых озер жили первобытные рыбаки и собиратели. Но… растаял ледник, высохли озера, вымерли мамонты и шерстистые носороги, и Великая степь опустела. Она стала раем для бесчисленных стад травоядных животных, но человеку, по сути, в ней места не было. До тех пор, пока человечество не ответило на вызов природы великим изобретением – номадизмом[5].

Время появления номадизма как образа жизни, а значит, и время начала настоящего освоения человеком Великой степи – конец третьего тысячелетия до нашей эры. Изобретателями номадизма и первыми номадами были, весьма возможно, знаменитые арии. До сих пор историки ломают копья в спорах о том, где находилась прародина ариев. Данный спор находится далеко за рамками этой книги, но стоит отметить, что наиболее доказательной является точка зрения о происхождении ариев из Северного Причерноморья (западной оконечности Великой степи), то есть с нынешней территории Южной Украины и Южной России. Именно такую локализацию косвенно подтверждает и номадизм ариев. Для других территорий, где историки размещают предполагаемую прародину ариев – Малая Азия, Балканы, Иран – кочевое скотоводство было неактуальным, ибо не являлось необходимым. Для Великой степи же оно было вопросом и нормального выживания (не только физического – у моря худо-бедно можно прокормиться рыбой), и владычества над Степью. Арии нашли адекватный ответ и стали владыками степи, а уже оттуда начали свои беспримерные походы в Индию, Европу, Африку, Иран. Следует отметить, что кочевой образ жизни по крайней мере той части ариев, которые разрушили древнюю цивилизацию в долине Инда[6], хорошо известен и не вызывает никаких сомнений. Достаточно ознакомиться с индийским эпосом «Махабхарата» и «Рамаяна».

Итак, на рубеже III – II тысячелетий до н.э. первые кочевники-арии двинулись на завоевание Великой степи. Здесь, видимо, стоит отметить, что внедрение кочевого скотоводства не могло не вызвать того, что мы сегодня именуем демографическим взрывом[7]. Став хозяевами степи, арии получили столько земли, а значит и пищи, что в исторически очень краткий срок – двести пятьдесят-триста лет (но это пятнадцать-двадцать поколений, а любой человек, знакомый с математикой, понимает, что такое геометрическая прогрессия) – стали чрезвычайно многочисленным народом. В конце концов им стала мала и степь, и наиболее отчаянные головы двинулись через Гиндукуш в Индию и Иран, через Карпаты в Европу, через Алтай в Восточную степь. «И покорились им и Персия, и Индия» (ну, с Европой и так понятно), но на востоке они столкнулись с неведомым и очень многочисленным народом, остановились «и не пошли они дальше»[8].

Народом, остановившим экспансию ариев на восток, были вовсе не китайцы (как вы, наверное, подумали) – по той простой причине, что в то время китайская национальная общность только начала формироваться, постепенно включая в свой состав все новые соседние племена, идентичные в расовом отношении. Ариев встретил народ, живший к северу и северо-западу от китайской прародины. Название этого народа в истории не сохранилось (ученые много спорят об этом, но в таком вопросе сколько людей, столько и мнений), более или менее достоверно только одно: именно этот народ стал прародителем великого народа восточной степи – хуннов.

---

[5] Номадизм – кочевое или полукочевое скотоводство, при котором скот (а вместе с ним и люди) переходит от пастбища к пастбищу по мере их опустошения.

[6] Города-государства Мохенджо-Даро и Хараппа.

[7] Заметим, что уникальность сделанного ариями подчеркивает тот факт, что в абсолютно сходных природных условиях прерий Северной Америки и южноамериканской пампы индейцы не обратились к номадизму, оставшись охотниками и собирателями. Производящее скотоводческое хозяйство кочевого типа не было открыто ими, и потому даже через двести лет после прихода европейцев прерию не населял никто, кроме животных.

[8] Стоит напомнить, что вопрос об арийском происхождении и дальнейшем распространении номадизма остается спорным, и в данном случае представлена авторская версия решения этой сложной проблемы.

Протохунны (назовем их так за неимением лучшего) первоначально населяли юго-восточную часть Великой степи, по соседству с древнейшим китайским государством Шан-Инь и находились если не в сфере, то под влиянием его культуры. «Чжоуская революция»[9] и контакт с пришедшими с запада ариями стали теми двумя событиями, которые предопределили дальнейшую судьбу предков хуннского народа. Чжоусцы были старыми врагами протохуннов, в отличие от шан-иньской монархии, и после захвата власти династией Чжоу давление формирующегося Китая на своих северных соседей резко возросло. И, вероятно, рано или поздно протохунны повторили бы судьбу многих и многих народов, добровольно или не очень вошедших в орбиту Pax Sinica[10]. Встреча с ариями изменила для протохуннов этот доминантный вектор истории.

Анализ исторических источников и данных археологии позволяет с большой долей вероятности говорить, что контакт ариев с предками хуннов (а в более широком смысле – вообще с народами монголоидной восточно-азиатской расы) не носил враждебного характера. Скорее, произошла этническая и, что очень важно, культурная ассимиляция. Протохунны приобрели многие европеоидные черты, став, по существу, смешанным в расовом отношении народом. Не случайно китайцы считали отличительными признаками хуннов высокие носы – типичная черта европеоидной расы. Но не носы и рыжие волосы стали главным наследством, полученным протохуннами от ариев. Главным было обучение ариями протохуннов принципам кочевого скотоводства. До этого племена, жившие в китайско-степном пограничье, вынуждены были ориентироваться на китайский образ жизни. Протохунны получили номадизм, а с ним – власть над степными просторами, а значит, в широком смысле, и подлинную независимость. И когда в начале XII века до н.э. чжоуский император Вэнь-ван обрушился на протохуннов, те не стали сражаться с превосходящими силами противника, а сели в свои кибитки и отправились в далекий путь через мрачную пустыню Гоби на север.

Мы не знаем, насколько тяжелым был для них этот поход – наверное, очень тяжелым – но они его совершили. К концу XII в. до н.э. эти выходцы из Китая покорили уже всю северную часть Восточной степи и стали тем народом, который вошел в мировую историю под именем хунны. Это событие подтверждается археологическими данными, согласно которым, в XII в. до н.э. на юге Сибири появляется совершенно новый тип культуры, однозначно указывающий на ее китайское происхождение. Вместе с китайским стилем здесь складывается и новый расовый тип – монголоидно-европеоидный. Так три народа – арии[11], протохунны и южносибирские охотники и собиратели – положили начало тому, что известный китайский историк Сыма Цянь назвал «хуннским царством».

С XII и почти до конца III в. до н.э. история древних хуннов никак не освещена письменными источниками, но это не значит, что ее не было. Вероятно, этот период включает в себя и борьбу за гегемонию в степи, и последующую долгую консолидацию народа. Однако к III в. до н.э. хунны представляли собой внушительную силу, контролируя Великую Степь от Алтая на западе до Большого Хингана на востоке и от Байкала на севере до китайских царств на юге. Правда, держава эта была хотя и большой, но рыхлой. Ею руководили двадцать четыре хуннских родовых старейшины, которые выбирали из своей среды формального верховного главу – шаньюя – не обладавшего, однако, реальной полнотой власти. Нужна была личность, способная объединить аморфную недоимперию. И в конце III в. до н.э. такой человек появился. Это был старший (и нелюбимый) сын шаньюя[12] Туманя – Модэ.

---

[9] Отстранение в Китае от власти династии Шан-Инь и воцарение династии Чжоу.

[10] Pax Sinica – «Китайский мир», по аналогии с Pax Romana – «Римский мир».

[11] К арийской (европеоидной) группе относились хорошо известные археологам динлины, населявшие Прииртышье и Северное Семиречье.

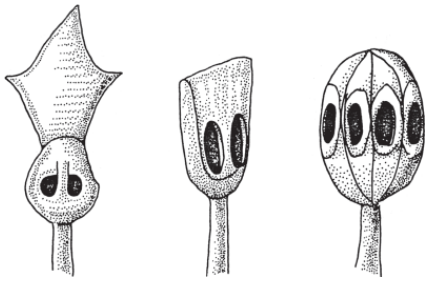
[12] Сыма Цянь, китайский историк, переводит этот титул как «величайший». Но до Модэ более верным был бы перевод «высший в совете», т.е. в совете старейшин хуннских родов.

Фигура Модэ настолько значительна и своеобразна, что заслуживает подробного описания. Не случайно некоторые историки называют его «Чингисханом древности». И для такого определения действительно есть основания. Модэ во многом схож с великим монголом. Он создал великую державу, просуществовавшую около трехсот лет, установил жесткий порядок в общественной и политической жизни, провел крупнейшие реформы, добился огромных успехов на военном поприще. И, что особенно важно в рамках нашей книги, установления Модэ (по крайней мере, многие из них) на тысячелетия пережили своего создателя, легли в основу социальных отношений в Великой степи и вплоть до Чингисхана во многом определяли всю систему жизненных ценностей в этом регионе мира. То, что было сделано Модэ в Великой степи, по своему размаху и последствиям превосходит деяния Юлия Цезаря или Карла Великого. Но имена этих европейцев известны каждому, Модэ же остался незаслуженно забытым. Попробуем восполнить этот пробел.

Модэ появился на арене истории в тот момент, когда хунны переживали далеко не лучший период в своей истории. Центральная власть в лице выборного шаньюя была почти номинальной, всем заправляли родовые старейшины. К тому же во второй половине III в. до н.э. для хуннов резко ухудшилась внешнеполитическая обстановка. В Китае в это время заканчивалась эпоха Борющихся царств, и в 221 г. до н.э. Ин Чжэн, правитель княжества Цинь, разгромив всех своих соперников, провозгласил себя первым императором объединенного Китая – Цинь Ши-хуанди. В 214 г. до н.э. войска Цинь нанесли тяжелое поражение хуннам и захватили их южные области. Шаньюй Тумань, не проявивший себя ни как политик, ни как полководец, в панике бежал на север в Халху. Гегемония хуннов в степи сразу же рухнула, и началось брожение среди народов степи, входивших до этого в сферу хуннского влияния. На западе резко активизировались юэчжи – потомки ариев, чрезвычайно воинственный народ, столетием позже создавший могучую Кушанскую державу[13]. На востоке племена дунху – предки монголов – воспользовались ситуацией и напали на хуннов. Тумань не смог оказать сопротивления и стал платить позорную для хуннов дань. Своего старшего сына Модэ он отправил заложником к юэчжам – возможно, для того, чтобы как-то обезопасить себя от удара с запада, но скорее затем, чтобы просто избавиться от нелюбимого отпрыска. Тумань не скрывал, что предпочитает младшего сына, которому он и планировал передать пост шаньюя после своей смерти.

Дальнейшие события подтвердили, что заложничество Модэ было именно хитрой уловкой шаньюя, стремившегося избавиться от своего слишком честолюбивого и талантливого сына. Вскоре Тумань, совершенно не заботясь о его безопасности, а может быть и желая его смерти, совершает нападение на юэчжей. Однако Модэ обманул свою стражу, похитил у юэчжей коня и, вырвавшись из плена, вернулся к отцу. Он, несомненно, знал об отцовском предательстве, но ход Модэ оказался оправдан. Под давлением общественного мнения степняков, восхищенных удалью смельчака, Тумань не только побоялся расправиться с сыном, но и дал ему в управление тумен (тюмень), то есть десять тысяч воинов. Модэ прекрасно понимал, что, пока жив отец, ему самому всегда угрожает опасность. И, недолго думая, начал готовить ответный удар.

[13] Современные историки определили, что китайское название «юэчжи» соответствует арийскому племени кушан, которое во II в. до н.э. разгромило Греко-Бактрийское царство, а к I в. н.э. создало могущественную Кушанскую державу – одну из четырех великих империй того времени (остальные – Рим, Парфия и Ханьский Китай).



Свистящие наконечники стрел

Он стал обучать свою конницу по-особому: приказал всем пускать стрелы вслед за его специальной свистящей стрелой. Невыполнение этого приказа каралось смертью. Когда Модэ добился его четкого исполнения, он, чтобы укрепить дисциплину воинов, выпустил свистящую стрелу в своего любимого аргамака. Тем, кто пожалел великолепного коня и не выстрелил, он велел отрубить голову. Вскоре Модэ направил свистящую стрелу в свою красавицу-жену; многие в ужасе опустили луки и тоже были безжалостно казнены. Затем он пустил стрелу в коня своего отца. Теперь уклонившихся уже не было. И тогда, во время совместной охоты с шаньюем, Модэ пускает свистящую стрелу в своего отца. Ежика видели? Занавес опускается, Модэ становится шаньюем.

Воспользовавшись общим замешательством, новоиспеченный шаньюй расправляется с братом-конкурентом, мачехой и теми старейшинами, которые попытались противиться перевороту (тоже, видимо, не без помощи свистящей стрелы). Остальные смирились – кто-то из страха, а кто-то из искреннего восхищения хитростью и решительностью Модэ.

Хунны простили новому шаньюю тяжкий грех отце-и братоубийства в том числе и потому, что многие из них понимали, что в это тяжелое время, когда встал вопрос о самом существовании народа, только такой смелый, жестокий и волевой человек имеет шансы на успех в борьбе с ополчившимся на хуннов множеством врагов. И Модэ оправдал их надежды.

В том же 209 г. до н.э. дунху решили воспользоваться междоусобицей среди хуннов и потребовали не только дани, но и передачи им части хуннских земель. Многие старейшины хуннов, страшась мощи восточных соседей, советовали откупиться. Модэ не стал протестовать против тяжкой дани (между прочим, осмелевшие дунху потребовали даже любимую жену шаньюя), но по земельному вопросу занял непримиримую позицию. – «Земля есть основание государства, как можно отдавать ее?» – резко высказался он и отрубил головы всем трусливым советчикам. После этого он двинулся в поход на дунху и наголову разгромил их так, что те в страхе бежали кто куда и с тех пор никогда уже не составляли единого народа, разделившись на три племени: ухуань, сяньби и тоба. Затем, не распуская армию, Модэ отправился далеко на запад и нанес поражение не ожидавшим нападения юэчжам. Они, впрочем, с этим не смирились, и война юэчжей и хуннов превратилась в затяжную, завершившись окончательной победой хуннов уже при сыне Модэ.

Как бы то ни было, Модэ снова удалось объединить всю восточную часть Великой степи под властью хуннов. И перед шаньюем во весь рост встала проблема – объединенный Китай. Модэ сумел разрешить ее с блеском. Следует, правда, признать, что в этом ему сильно помогла нестабильная ситуация в самом Китае, только что пережившем весьма разрушительную и кровопролитную гражданскую войну, закончившуюся падением Цинь и воцарением новой династии – Хань. Тем не менее, это не умаляет заслуги Модэ, одержавшего победу над государством, население которого раз в пятьдесят превышало население Хуннской державы. Модэ прекрасно понимал, что его сравнительно небольшое войско не сможет справиться в открытом бою с гигантской китайской армией, и подстроил неприятелю ловушку. Он применил известную всем кочевникам тактику ложного отступления. Император Гао-цзу с лучшими

частями своей армии бросился вдогонку и около города Пинчен попал в засаду со своим авангардом. Хунны окружили эту сравнительно небольшую китайскую армию. Семь дней голода, холода (дело было зимой) и невероятных лишений сделали китайского императора сговорчивым, несмотря на то, что из Китая ему на выручку двигалась трехсоттысячное войско. В обмен на свободу для себя и своих воинов Гао-цзу согласился заключить так называемый «договор мира и родства». Этот договор устанавливал равенство Домов Хань и Хунну (беспрецедентное для китайцев), Модэ получал в жены китайскую принцессу, а император Китая обязался ежегодно посылать шаньюю подарки как своему родственнику (замаскированная дань).

Требования Модэ были довольно умеренными: он, видимо, хорошо понимал, что излишнее унижение врага сделает неизбежным его стремление к реваншу. А новая война с Китаем в тот момент, когда на западе в схватках с воинственными юэчжами решалось, кому быть хозяином Великой степи, была мудрому шаньюю не нужна. И на границах Китая и Степи до поры до времени воцарился мир. Это позволило Модэ заняться внутренним устройством державы Хунну.

Реформы и установления Модэ весьма многочисленны, но для нас интересны главным образом те, которые надолго пережили своего создателя и определили образ жизни степного общества на тысячелетие вперед. Важнейшей заслугой Модэ было четкое структурирование хуннской державы. Он не отказался (да и вряд ли мог) от исконного родового строя хуннов, но поставил его в такие рамки, что тот стал работать не на ослабление, а на усиление государства. Родовые старейшины сохраняли свою власть в роду, но теперь они становились не выборными руководителями, а наследственными родовыми вождями. Фактически Модэ создал родовую аристократию, что не могло не понравиться новоиспеченным вождям. Но взамен шаньюй потребовал от родовых лидеров подчинения высшей «номенклатуре», которую он создал из своих родственников. Все высшие посты в государстве теперь могли занимать только члены его рода; они получали пышные титулы со сложной иерархией и составляли верховную аристократию. Однако для прочности необходимо иметь минимум три точки опоры, и Модэ ввел третью, несемейную и неродовую ступень аристократии. Это были так называемые «гудухэу», что можно перевести как «помощники», – в состав которых вошли лучшие воины и офицеры его армии. Они создали «аристократию таланта» – служилую знать, главную опору престола. Звание гудухэу тоже было потомственным, но за особые заслуги шаньюй мог наградить им любого простого воина. Это давало шанс наиболее ярким, но неродовитым личностям попасть в верхние слои общества и тем стимулировало верную службу и доблесть.

Трехзвенная аристократическая система, несмотря на все присущие ей противоречия, оказалась достаточно прочной и не позволяла ни одной из групп завладеть всей полнотой власти – даже шаньюй был далеко не всесилен: он был вынужден учитывать интересы всех трех привилегированных сословий. Что касается основной массы населения, то здесь Модэ нашел достаточно простое и элегантное решение, впоследствии, заметим, принятое и развитое Чингисханом. Согласно указу Модэ, все мужчины боеспособного возраста объявлялись воинами и делились на десятки, сотни и тысячи. Родовой характер общества не изменялся, но на войне приказ командира имел приоритет перед указанием родового лидера. Другое дело, что главные родовые вожди и были начальниками крупнейших войсковых соединений – туменов (формально – десять тысяч воинов, но это соблюдалось далеко не всегда, а находилось в зависимости от силы рода).

В повседневной жизни хуннов реформы Модэ сами по себе мало что изменили. Скорее, изменилось восприятие традиций. То, что раньше выполнялось по установившемуся обычаю и не было строго обязательным, теперь освящалось авторитетом шаньюя и фактически становилось равносильным закону. Например, после смерти отца хунн брал в жены всех вдов (кроме матери). То же было в случае смерти брата. Китайцы считали этот обычай ужасающим; между тем, он полностью вписывается в рамки родовых отношений, а главное, спасает женщин, поте-

рявших кормильца, от голодной смерти или нищенства. Так что о том, плох или хорош этот обычай, можно с китайцами и поспорить.

И нововведения Модэ, и укрепление им родовых обычаев так консолидировали державу Хунну, что она на долгие годы превратилась в мощнейшее государственное образование. Это позволило ей триста лет сопротивляться китайской экспансии. В 177 г. до н.э., еще при жизни Модэ, хунны нанесли тяжелое поражение юэчжам и стали гегемонами Великой степи. В 174 г. до н.э. великий шаньюй Модэ скончался, но созданное им государство продолжало существовать и даже усиливаться, хотя преемники Модэ отнюдь не обладали талантами своего предка.

Дальнейшая история державы Хунну в основном насыщена то затухающей, то вспыхивающей вновь войной с Китаем. Достойным преемником отца оказался сын Модэ, Лаошань-шаньюй, окончательно изгнавший юэчжей и нанесший ряд тяжелых поражений китайским войскам. При внуке Модэ – Гюнчень-шаньюе – держава Хунну достигла наивысшего расцвета. После серьезных поражений Китай пошел на беспрецедентные уступки хуннам. По договору 152 г. до н.э. шаньюю в жены вновь отдали китайскую принцессу, а главное, китайцы были вынуждены согласиться на открытие пограничных рынков для свободного обмена товарами, что было крайне невыгодно для Китая и в экономическом, и в военно-политическом отношении (фактически, Китай соглашался кормить своих врагов). 152 г. до н.э. стал кульминацией могущества державы, созданной Модэ.

Положение стало постепенно меняться после 140 г. до н.э., когда китайским императором стал решительный и энергичный У-ди. Он совершил в хуннскую степь целый ряд походов, которые, хотя и не обеспечили Китаю решительного перевеса, все же ослабили хуннскую угрозу. Держава хуннов и при воинственном У-ди ни в чем не уступала Китаю, но злую шутку сыграло с хуннами то, что они считали своим главным достижением – свободные рынки. В степь хлынул огромный поток китайских товаров и… в среде хуннов наметился раскол. Стремление к китайским богатствам, достававшимся к тому же без большого напряжения сил, связанного с боевыми действиями, привело к созданию в среде хуннской аристократии китаефильской партии. Обаяние китайской культуры вообще трудно переоценить, а для многих хуннов, особенно из числа высших аристократов, оно стало неодолимым. Китаефилам противостояла военная, или «старохуннская» партия. Раскол хуннского общества шел довольно медленно, но Китай мог позволить себе ждать, по мере возможности всячески способствуя усилению этого раскола. И долготерпеливые китайцы дождались своего часа. В 46 г. н.э. в державе Хунну вспыхнула гражданская война, а в 48 г. страна окончательно раскололась на Южное и Северное Хунну, каждое во главе с собственным шаньюем. В Южном одержала победу китаефильская партия, а Северное Хунну свято хранило степные традиции. При этом оба государства оставались непримиримыми врагами, что только облегчало Китаю путь к окончательной победе. Развязка для Северного Хунну наступила в 93 г., когда его последний шаньюй был захвачен китайцами и убит. Южные шаньюй еще пытались сопротивляться, но они не имели опоры, ибо старохуннская партия была уничтожена. К тому же в это время значительно усилились старые враги хуннов – протомонгольские племена сяньби, которые постепенно овладели территорией северных хуннов, оттеснив их на запад. Оказавшись во враждебном окружении, Южное Хунну было обречено на гибель. В 142 г. китайцы принудили к самоубийству последнего шаньюя из дома Модэ и посадили вместо него своего ставленника – хунна, но не царского рода. Но и эта видимость независимости сохранялась не слишком долго. В 215 г. китайцы и формально упразднили пост шаньюя Южного Хунну и назначили своего наместника. Держава хуннов окончательно перестала существовать.

Медленное угасание хуннской империи не могло не активизировать действия других претендентов на гегемонию в Великой степи. На западе старинные враги юэчжи, опираясь на мощь созданной ими Кушанской державы, предприняли попытку вернуть свои прежние земли. Попытка эта не увенчалась успехом по двум причинам. Во-первых, за прошедшие столетия

бывшие юэчжи, а ныне кушаны растеряли навыки степной войны, поскольку в горах и речных долинах, где в итоге и создали кушаны свою империю, степная тактика была просто неэффективна. Во-вторых, их империя была слишком громоздкой, и ее населяли люди не просто говорящие на разных языках, но и с абсолютно разной культурой и идеологией (например, индийцы и греки). Основные силы кушан направлялись на подавление центробежных тенденций в их лоскутном государстве, и потому внешняя экспансия успеха не имела.

На востоке все было по-другому. Здесь жило множество племен, готовых подхватить эстафетную палочку лидерства у агонизирующей хуннской державы. Все они были номадами, и законы степной войны были им не в новинку. Но недоставало организованности, дисциплинированности и упорства. Требовался лидер, способный обуздать лихую степную вольницу. В 155 г. такой лидер появился. Им стал Таншихай, происходивший из племени сяньби.

Как уже упоминалось выше, сяньбийцы были народом, который можно назвать протомонгольским. Но это утверждение требует серьезной оговорки. Дело в том, что в тот период, да и значительно позднее, этническое размежевание в Великой степи было в достаточной мере условным. Так, большинство историков считает хуннов прародителями тюрок, поскольку большинство дошедших до нас хуннских слов имеет соответствующие аналоги в тюркских языках. Но от хуннов сохранилось немало слов и с монгольскими корнями. К тому же, сами монгольский и тюркский языки происходят из одной – алтайской языковой группы, то есть имеют общего предка. Даже во времена Чингисхана тюрки и монголы вполне понимали друг друга (как, скажем, сегодня русские и украинцы), а за тысячу лет до этого расхождение двух главных степных языков было еще меньшим. К тому же надо еще учитывать особенности степного этногенеза[14]. Великая степь, в силу специфики господствующего в ней кочевого образа жизни, всегда была настоящей мешаниной народов. Племена и отдельные роды постоянно перемещались, переходили из одного подчинения в другое, воспринимали от соседей элементы их культуры и языка, часто полностью ассимилировались. В таких условиях точно определить этническую принадлежность народа, племени, рода достаточно сложно, а иногда и практически невозможно.

Однако вернемся к Таншихаю – сяньбийскому вождю. Фигура чрезвычайно яркая, выдающийся полководец, историкам он больше известен тем, что, при всех его талантах и огромных внешнеполитических успехах, место его в истории сравнительно невелико. Его гений ближе к гению Тамерлана, нежели Чингисхана. Он – типичный завоеватель, «создатель империй», но не политик. За четверть века почти беспрерывных походов он создал гигантскую державу, по размерам и силе не уступавшую империи Хунну времен ее первых, великих шаньюев. При этом особенно удивительно, что свой первый поход Таншихай совершил, когда ему было, по данным китайских историков, всего четырнадцать лет. Он был поистине военным вождем: даже отказался принять какие-либо титулы, оставаясь просто Таншихаем. Но его личная власть была почти безграничной. Когда напуганные его могуществом китайцы предложили ему «договор мира и родства» (как до этого Модэ), сяньбийский вождь с презрением отверг это предложение, сказав, что ему и так подчиняются все народы. Однако, когда в 181 г. на сороковом году жизни Таншихай умер, быстро выяснилось, что вся мощь его державы покоилась на личных талантах вождя. Его преемники не смогли удержать власть, и к началу III в. созданная им империя окончательно развалилась.

Стоит все же добавить, что одно следствие походов Таншихая оставило, пусть и опосредованно, след в истории, да еще какой! Дело в том, что именно Таншихай окончательно разгромил северных хуннов и вынудил их бежать далеко на запад, подальше от его победоносных войск. Более двухсот лет эти беглецы скитались в степях между Волгой и Уралом, покоряя

[14] Этногенез (от греч. «рождение народа») включает в себя как начальные этапы возникновения какого-либо народа, так и дальнейшее формирование его этнического самосознания.

местное население и смешиваясь с ним. Они почти утратили подлинно хуннскую культуру, забыли великие достижения предков, даже изменились внешне. Тяжелые военные поражения и вынужденная двухсотлетняя эмиграция упростили их жизнь и поведенческие стереотипы. В них было бы почти невозможно узнать хуннов Модэ и Лаошаня. Но имя свое они сохранили. И во второй половине IV в. это имя, пусть и в немного измененном варианте, узнала и со страхом повторяла вся Европа – *гунны.*

Гуннские завоевания и связанное с ними Великое переселение народов, имевшее колоссальные последствия для истории Европы, да и всего мира, далеко выходят за рамки этой книги, и мы не будем на них останавливаться. Вернемся в оставленную нами ненадолго Великую степь, которая в этот период переживала эпоху безвременья, или выражаясь по-европейски, свои Темные века.

По мнению ряда историков – в частности, знаменитого Л.Н.Гумилева – эти темные времена в Великой степи связаны с серьезными климатическими изменениями, вызвавшими пересыхание степи и, как следствие, массовую гибель людей от голода либо их бегство на окраины, где засуха была не так сильна. Степные народы в это время слабели и, сосредоточившись на проблеме выживания, уже не могли оказывать влияния на соседей. Отсюда и века «молчания» (повторившиеся, и по тем же причинам, в X и XVI веках), так как только у оседлых народов существовала письменность (до изобретения в IX веке уйгурского письма). Археология также мало чем может быть полезна: кожа, войлок, дерево – главные материалы кочевников – недолго сохраняются в земле. Домов кочевники не строят, городов – центров производства и торговли – у них не имеется. Поэтому молчание источников создает впечатление, что в такие периоды степные народы куда-то исчезают. Разумеется, это вовсе не так, ибо проходит время, засуха заканчивается, и удивленные китайцы, согдийцы, иранцы вдруг обнаруживают у своих границ многотысячные армии кочевников, взявшихся как бы ниоткуда. Но ничто не возникает из ничего, а значит, жизнь в степи продолжается и в эти тяжелые времена.

То, что III – IV века были действительно тяжелыми, достаточно убедительно доказывает тот факт, что в этот период контроль над Великой степью не оказался в руках какого-либо народа или державы. Первую скрипку в степи в эту эпоху играла орда[15] жужаней – удивительное военно-бандитское образование из деклассированных элементов, изгоев и ярких личностей родом из самых разных племен. Жужани, несмотря на всю их силу, не были народом в настоящем смысле этого слова. Они, конечно, подчинялись все тому же кочевому ритму жизни, имели жен и детей, но по смыслу своего существования больше приближались к наемникам и бандитам. И эта орда до середины VI века держала в страхе всю степь, а иногда даже угрожала Китаю, который, впрочем, в это время как раз распался на несколько постоянно воюющих друг с другом царств.

Время господства жужаней закончилось в 552 году, когда хан никому не известного народа тюрков[16], Бумынь из рода Ашина, ворвался с войском в расположение жужаньской орды и разгромил ее наголову. Сам он не успел воспользоваться плодами этой победы, так как вскоре умер (возможно, от ран), но его брат Истеми и сын Мугань сумели выжать из разгрома жужаней больше, чем можно было предположить. Фактически поделив между собой полномочия и войско, они направились в разные стороны утверждать только что отвоеванную у жужаней власть: Истеми на запад, а Мугань – на восток. Оба они провозгласили себя ханами, но Истеми, чтобы не нарушать единства только создаваемой державы и из уважения к погибшему брату, согласился признать формальное первенство Муганя.

---

[15] Орда – чисто военная организация у кочевых народов, в противовес обычным родоплеменным, группирующаяся вокруг удачливого вождя. Более подробно о принципах организации орды будет рассказано в последующих главах.

[16] Не путать с современным пониманием слова «тюрк», относящимся скорее к языковому признаку, объединяющему самые разные народы, в том числе и совсем не степные.

Следующие тридцать лет были исключительно удачными для тюрков. Подвиги Истеми и Муганя и их преемников Кара Чурин Тюрка (сын Истеми) и Тобо (брат Муганя) затмили даже славу и достижения великих хуннских полководцев. Истеми, пройдя огнем и мечом почти всю западную половину степи, походя разгромил мощную державу эфталитов (их иногда называют «белыми гуннами», хотя они скорее наследники кушан-юэчжей) и нанес поражение иранскому шаху Хосрою, заключив с ним чрезвычайно почетный для себя мир. Затем он перешел через Волгу, где столкнулся с аварами, победил их и тем самым стал владыкой всей западной половины Великой степи. Кара Чурин Тюрк уже после смерти отца захватил Боспор, а затем и весь Крым, и в 580 году вторгся в Лазику (Западная Грузия), угрожая уже и Византийской империи. На востоке Мугань, а позже Тобо, идя от победы к победе, покорили большинство степных племен, а к 580 году сделали своими данниками два северокитайских царства. Это был пик тюркского могущества. Свое гигантское государство, простиравшееся от Черного моря до Тихого океана, тюрки назвали Вечный Эль, как бы утверждая этим свою власть на вечные времена. Но уже в следующем 581 году великая тюркская мечта начала рушиться.

В этом году умирает верховный правитель тюрок Тобо-каган, и в Вечном Эле вспыхивает яростная борьба за власть, которую, из-за ее масштаба и последствий, лучше назвать гражданской войной. Причиной междоусобицы, а заодно и топливом, которое постоянно ее подпитывало, стала установленная еще Бумынем удельно-лествичная система власти и наследования – кстати, подобная той, которая позже была введена на Руси (в XI – XIII вв.), и, по большому счету, Русь и погубила. Согласно этой системе, наследование передавалось не сыну, – то есть прямому наследнику – а старшему в роду. Остальные близкие родственники получали в пользование удел – часть державы вместе с людьми и войском. А в 581 году таких почти независимых уделов в тюркском государстве было уже восемь. В этой ситуации борьба за власть становилась почти неизбежной, и близкородственные связи удельных князей вряд ли могли ей помешать. Так и случилось.

Формально старшим в роду являлся Кара Чурин Тюрк – сын Истеми. Но его отец не был даже верховным каганом, и сыновья умерших верховных вождей – Муганя и Тобо – оспорили право Кара Чурин Тюрка на престол. Тот не мог сопротивляться объединившимся против него племянникам и временно смирился с поражением. Но победители немедленно передрались между собой. Вряд ли стоит описывать перипетии этой борьбы, но итогом ее стал окончательный раскол каганата в 604 году на Западный и Восточный.

Голова Кюль-Тегина. VIII в.

Увлеченные междоусобной борьбой, тюркские каганы допустили еще одну, как выяснилось, роковую ошибку: проглядели, что на их южной границе в крови и войнах встает на ноги колосс – объединенный Китай. В начале VII века после продолжительной борьбы к власти во всем Китае пришла династия Тан. Немаловажным оказалось и то, что новая династия не была собственно китайской, а происходила от окитаившейся ветви протомонгольского племени тоба

– теперь они назывались табгачи. Многие степные народы, особенно те, кому поперек горла встала тюркская власть, с удовольствием приняли табгачских императоров в качестве степных ханов. Этому способствовала и политика дальновидного танского императора Ли Ши-миня, стремившегося привлечь степные племена на свою сторону и даже больше – создать симбиоз китайской и степной цивилизации. Таким образом, империя Тан стремительно набирала силу, а оба тюркских каганата все больше слабели. Конец мог быть только один, и уже в 630 году танские войска наголову разбили Восточный каганат, а его территория была присоединена к Китаю. В 659 году настала очередь Западного каганата. Казалось, для тюрок все было потеряно. Но неожиданно ситуация изменилась.

В самом Китае к власти пришли ярые националисты. Заветы Ли Ши-миня были забыты, запрещено было даже употреблять слово «табгач». Многие табгачские принцы были казнены, и степные племена подверглись насильственному окитаиванию. И тогда тюрки восстали. В 682 году их предводитель Кутлуг одержал победу и провозгласил восстановление тюркского каганата. Конечно, сила у восстановленного каганата была далеко уже не та, но благодаря доблести своих вождей (среди которых особенно выделялся полководческим талантом сын Кутлуга Кюль-Тегин) он успешно боролся с могучим Китаем еще более полувека. Но силы были слишком неравными; к тому же Китай, верный своей политике «разделяй и властвуй», натравливал на тюрок другие степные народы. Кроме того, после смерти в 739 году внука Кутлуга – Иолыг-Тегина, талантливого и мудрого правителя, каганат снова захлестнули распри. И в 742 году наступило время окончательной развязки для Вечного Эля. Уйгуры, недовольные тюркской властью в степи, восстали и после трехлетней войны одержали победу. Остатки тюрков вынуждены были бежать в столь ненавистный им Китай, где последние из них сложили голову, участвуя в восстании Ань Лу-шаня. Великий тюркский народ перестал существовать, а на ближайшие сто с лишним лет гегемония в степи перешла к уйгурам.

Уйгурский каганат был лишь бледной тенью великих степных держав прошлого – Вечного Эля тюрок и империи Хунну. Он продержался сравнительно долго лишь потому, что в это время ослабел Китай, так и не оправившийся от восстания Ань Лу-шаня. Но в конце концов Уйгурский каганат пал под ударами китайцев и их несколько невольных союзников – енисейских кыргызов. В степи начался новый Темный век, и лишь в XI веке степь вновь воспряла ото сна. Но с этого времени уже начинается новая эпоха – эпоха киданей, чжурчжэней и, наконец, монголов, а значит – пора обратиться и к главным героям нашей книги.

Глава 2
Монголы и их соседи

В XI – XII веках, перед эпохой Чингисхана, восточная часть Великой степи представляла собой сложнейший конгломерат народов. Разобраться в этом смешении национальностей, племен и родов чрезвычайно трудно, в ряде случаев – невозможно. Причин тут несколько. Главная, бесспорно, коренится в самой сущности кочевничества. Постоянные перемещения по степи, смена перекочевок, разделение отдельных родов или переход их под чужую «юрисдикцию» – суть кочевой жизни. Хотя существовали, конечно, и четкие границы кочевий, но, вследствие роста населения, давления со стороны соседей, наконец, стремления части родовой знати (точнее, их наследников) выделиться в отдельные неподконтрольные группы[17], этническая ситуация в степи постоянно менялась.

Вторая причина ранее уже упоминалась: это языковой фактор. К XII веку языки народов так называемой алтайской языковой семьи еще не слишком отличались друг от друга. Сегодня лингвисты четко делят алтайскую семью на три группы: тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую – и действительно, современный монгол не поймет якута. Тогда же тюрки и монголы прекрасно понимали друг друга, что значительно облегчало взаимовлияние, а зачастую и полное смешение. Мог победить тот или иной языковой элемент – и изначально тюркский род становился монгольским, или наоборот. Так, например, произошло с монгольским по происхождению родом Ашина, из которого происходили ханы Тюркского каганата. После длительной откочевки, вызванной, по-видимому, военным поражением, этот род оказался в тюркоязычной среде, и через сто лет о его монгольском происхождении говорило уже только родовое название.

Наконец, нужно выделить и третью причину этнических переплетений. Это чрезвычайная запутанность родоплеменных отношений у тюрко-монгольских народов Великой степи[18]. И это при том, что монголы придавали исключительное значение своей родословной. По сведениям Рашид-ад Дина, каждый монгол с юных лет тщательно изучал свое родословие, и не было ни одного человека, который не знал бы своего племени и происхождения. Вот только племен и родов было чрезвычайно много, к тому же они непрерывно разделялись, перекочевывали и снова разделялись. И действительно, каждый степняк мог перечислить своих предков по крайней мере до седьмого колена[19], четко определить свое племя (ирген) и род (обок), но… племя могло включать несколько родов в одном случае и быть лишь малой частью рода в другом. Плюс к этому, такая четкая детализация не способствовала осознанию общеэтнического единства. И были джуркинцы, хонгираты, тайджиуты, джалаиры – но не монголы. В этой ситуации отнюдь не нелепым выглядит парадоксальный вопрос: а был ли монголом Темучин из рода Кият-Борджигин?

И действительно, вопрос о происхождении термина «монгол», а в более широком смысле – проблемы идентификации (и самоидентификации) народа с таким именем современными

---

[17] Классический вариант примерно таков: у главы рода – два сына-наследника. Младший по тем или иным причинам не желает подчиняться старшему (или наоборот: четких правил наследования у степных народов, как правило, не имелось). Он собирает всех недовольных или ищущих лучшей жизни и уходит куда глаза глядят со своими людьми и скотом. Способов удержать вольного кочевника практически нет, а степь велика – откочевывай хоть на тысячи километров. И эта группа движется по степи, пока не находит либо незанятые земли, либо дружелюбный род, готовый их принять, либо более слабую группу, которую можно подчинить или вытеснить еще дальше.

[18] Родоплеменные отношения у монголов будут подробно рассмотрены в главе 3.

[19] Удивительный факт, подтверждающий важность генеалогии для монголов: для каждого из семи поколений прямых предков по мужской линии имелось собственное оригинальное название. У русских же их всего два: отец и дед, а у англичан фактически одно, остальные – производные от него.

историками все еще не решен. Более того, как правило, от него стараются дистанцироваться или не рассматривают вовсе, хотя для правильного понимания феномена империи Чингисхана он представляется весьма немаловажным.

Монгол. Персидский рисунок XIV в.

Следует помнить, что первое *точное* упоминание слова «монгол» относится к 1206 году, когда на великом курултае сам Чингисхан, объединивший Восточную степь, провозгласил создание «Yeke Monghol Ulus» – Великой Державы Монголов. Отсюда некоторые монголоведы делают допущение, что само понятие «монгол», до этого не существовавшее вообще, было введено Чингисханом как единое название для народов объединенной им степи. Другие вполне резонно возражают, что и в куда более поздние времена часть этих объединенных племен в число монголов не входила, и считают, что к «монголам» Чингисхана относилась лишь та часть населения, которая была связана общим родословным древом, и которую впервые объединил прадед Чингисхана Хабул-хан, а следовательно, формирование понятия «монгол» относится к сороковым годам XII века[20]. Третьи отстаивают версию языкового единства: монголы – это те, кто говорит по-монгольски (о недостатках этой версии выше уже говорилось). Четвертые отстаивают генеалогический принцип и предполагают, что монголами считались все потомки Алан-Гоа – праматери монгольских родов (вариант этой версии – потомки Бодончара, одного из сыновей Алан-Гоа). Наконец, пятая версия опирается на упоминание в китайских летописях VI века (то есть задолго до Алан-Гоа, жившей в IX или X веке) названия племени Мэнгу (Мэнку), входившего в группу из тридцати племен народа шивэй. От них, дескать, потом и пошла та группа родов, которая называла себя единым именем – монголы.

Во всех этих основных версиях (а есть и другие – более экстравагантные), безусловно, присутствует здравое зерно. В то же время, каждая из них в отдельности не лишена недостатков и может быть подвергнута серьезной критике. Выходом из этой ситуации является, по-видимому, синтез этих теорий и построение на их базе непротиворечивой версии. В этом поможет и тщательный анализ текста «Сокровенного Сказания» в сочетании с данными других источников – главным образом, Рашид ад-Дина.

В первую очередь, следует отметить, что сам Рашид ад-Дин не считал монголов отдельным народом, но относил их лишь к одной из групп общей массы тюркских племен. Эти племена, по его мнению, населяли всю Великую степь от края до края (видимо, память о Вели-

[20] Род самого Хабул-хана именовался кият. Впоследствии все потомки Хабула, выделившиеся в отдельные роды, к названию своего «обока» присоединяли слово «кият»: кият-джуркин, кият-борджигин, кият-куралас. Но не исключено, что обок Хабул-хана мог называться и «кият-монгол».

ком тюркском каганате VI века). Постепенно эти племена делились на многочисленные роды, каждый из которых получал свое имя. Так же появились и монголы – суть ветвь тюркского народа. Настоящими монголами сам Рашид ад-Дин называет народ нирун, ко времени Чингисхана включавший уже десятки, если не сотни родов и племен. Эти «истинные» монголы-нирун все являются потомками Алан-Гоа. Но он выделяет и другую группу монголов – дарлекин, из которых, вообще говоря, происходила и сама Алан-Гоа. Дарлекины – как бы не совсем монголы: их родословная уходит дальше в глубь веков.[21]

Вот здесь и стоит заглянуть в начало «Сокровенного Сказания», которое называет первым предком Чингисхана некоего Борте-Чино; его супругой была Гоа-Марал. Эти двое явились неизвестно откуда, переплыв какое-то море (возможно, имеется в виду озеро Байкал) и стали кочевать у реки Онон. Далее «Сокровенное Сказание» перечисляет длинный ряд их потомков вплоть до Добун-Мергена, мужа Алан-Гоа. Но вот что любопытно: если попытаться вычислить даты жизни Борте-Чино и Гоа-Марал, исходя из счета поколений (разумеется, погрешность может быть достаточно велика), то весьма вероятным окажется их появление на Ононе именно в VI веке, то есть как раз тогда, когда в китайских летописях появляется этноним «мэн-гу». Значит, пришедшие невесть откуда первопредки Чингисхана, возможно, и называли себя монголами. В целом же, с учетом всего вышеперечисленного, авторская версия такова.

Около VI века на территории, занимаемой племенами шивэй, появилась группа людей из неизвестного народа (едва ли их было только двое). Они называли себя монголами или близким по звучанию словом. Путем переговоров, а может быть, и силой они отвоевали себе место под солнцем на берегах Онона и вошли в союз шивэйских племен на правах рода с названием «монгол». В дальнейшем при разрастании и дроблении рода самоназвание «монголы» как таковое исчезло (в более поздней истории примеров подобного развития событий немало), но в памяти последующих поколений сохранилось единство их происхождения. Таким образом, само слово «монгол» фактически не применялось в названии племен и родов, но имело некую историческую, генеалогическую ценность. И представляется возможным (хотя и сомнительным), что Хабул-хан, впервые объединивший значительную часть потомков Борте-Чино, первым назвал это объединение монгольским. Однако кажется более вероятным, что именно Чингисхан, который объединил действительно *всех* потомков древнего рода «монгол», извлек это почти забытое слово из глубин исторической памяти и назвал им объединенные под его началом народы. Только с этого времени громкое имя монголов и получает самое широкое распространение, так что даже и те племена и народы, которые не имели никакого отношения к изначальным монголам – татары, уйгуры, кыпчаки (половцы) и другие – стали называть себя монголами. Насколько это связано с собственным стремлением народов таким образом разделить громкую славу монголов (как предполагает Рашид ад-Дин), или же такое переименование было частью политики Чингисхана (как считает большинство историков) – этот вопрос мы оставим открытым.

[21] Родословную Чингисхана и ряда монгольских родов см. в «Приложениях» к данной книге.

Монгол на коне. Персидский рисунок XIV в.

Ну а теперь, когда мы определились с тем, кого, собственно, можно считать монголами, посмотрим, что из себя представляли эти самые монголы.

Итак, то огромное количество родов и племен, которое мы сейчас собирательно именуем монголами, к началу эпохи Чингисхана делилось на две главные ветви: дарлекин и нирун. Любопытно, что эти ветви к XII веку уже настолько обособились друг от друга, что перестали считать себя родственными народами.[22] Только группа нирун, производившая свой род от чресел прародительницы Алан-Гоа («нирун» собственно и означает «чресла»), считала себя подлинными монголами; при этом несущественно, применялось ли ими это самоназвание или нет. Но и среди настоящих потомков Алан-Гоа были роды, которым также отказывалось в «звании» нирун. И, поскольку происхождение всегда играло огромную роль в жизни монголов, да и в их истории, здесь, пожалуй, самое время привести знаменитую легенду о возникновении истинно монгольского народа.

Праматерь важнейших монгольских родов и племен Алан-Гоа была дочерью Хорилартай-Мергена из северного монгольского племени хори-туматов – лесных охотников Прибайкалья. Этот Хорилартай из-за чего-то поссорился с соплеменниками и вместе со своими родственниками откочевал далеко на юг к горе Бурхан-Халдун на левом берегу Онона, образовав отдельный род хорилас. Именно здесь, у склонов Бурхан-Халдуна – горы, которая позднее стала для монголов священной, состоялась свадьба его дочери Алан-Гоа с Добун-Мергеном, далеким потомком Борте-Чино. От этого брака родилось двое сыновей; но, к несчастью для Алан-Гоа, ее супруг скончался в молодом возрасте. Немаловажно, что старший брат Добун-Мергена умер еще раньше, и потому вдова осталась совершенно одинокой. Тут-то и начинается самое интересное. Алан-Гоа рожает одного за другим еще трех сыновей. У двух старших, видимо, уже достаточно повзрослевших, чтобы все понимать, возникли совершенно обоснованные сомнения: как же так – у матери нет ни мужа, ни его родных или даже двоюродных братьев (вспомним известный монгольский обычай, согласно которому вдову берет замуж ее ближайший родственник по мужу), а дети рождаются. А наследство, как водится, не резиновое, и делить его на пятерых – совсем не то, что на двоих. В общем, пошли пересуды, и Алан-Гоа пришлось призадуматься.

В один прекрасный день она собирает всех своих пятерых сыновей и честно говорит старшим, что их подозрения, конечно, имеют право на существование. Однако дело обстоит совсем не так, как они себе представляют: здесь не обошлось без божественного вмешательства, ведь трое младших родились от луча света, проникшего в ее чрево. Каждый вечер после

[22] См. Рашид ад-Дин «Сборник летописей». Т. I. С. 179.

захода солнца через дымовое отверстие юрты в жилище проникает светловолосый человек с голубыми глазами. Он гладит живот женщины, и туда попадает свет, исходящий от его рук. На рассвете человек уходит, «словно желтый пес». А раз никто, кроме Алан-Гоа, этого человека не видел, значит, он явно небесного происхождения, а его дети отмечены божественной печатью и достойны стать ханами и царями царей. Так что старшим остается только гордиться такими братьями и жить с ними в любви и согласии.

Скорее всего, у Алан-Гоа имелись основания выдвинуть именно такую версию случившегося. По-видимому, ее младшие сыновья весьма отличались внешностью от старших, имея явные европеоидные черты. Ведь даже потомок ее самого младшего сына – Бодончара-дурачка – в десятом поколении, которого мы знаем под именем Чингисхана, был, по свидетельству очевидцев, рыжеволосым, а само родовое прозвище Чингизидов – «Борджигины» – переводится как «синеокие». Как бы то ни было, матери удалось примирить своих детей; однако, стоит отметить, что после этого тяжелого и явно неприятного для Алан-Гоа разговора «желтый пес» приходить сразу же перестал.

Естественно, если отказаться от божественной составляющей, то вызывает большой интерес, откуда в глубинах Центральной Азии в ту эпоху, никак не располагавшую к далеким путешествиям, мог взяться человек столь явно европейской внешности. Однако оставим разгадку этого феномена авторам исторических романов. Для нас же важно, что именно эти события привели к окончательному разделению монголов на две ветви. Потомство Алан-Гоа стало называться «нирун», все остальные монголы – «дарлекин». При этом в подвешенном состоянии оказались потомки двух старших сыновей – их то относили к ветви нирун, то отказывали в этом звании.

Монгольские кочевники. Китайский рисунок XIII в.

Забежав немного вперед, заметим, что в итоге в наибольшем выигрыше оказался тот самый предок Чингисхана Бодончар-простак, который был дураком не в большей степени, чем Иванушка-дурачок из русских сказок. Четверо старших братьев оставили его без наследства, но он, благодаря своей доблести, быстро выдвинулся в вожди, обрел немалое богатство и мог спокойно посмеиваться над своими недалекими братьями, которые были вынуждены признать его моральное превосходство. От Бодончара впоследствии отсчитывали свое происхождение виднейшие монгольские роды и племена: тайджиут, барлас, урут, мангут, джаджират и кият-борджигин. От старших братьев Бодончара ведет происхождение значительно меньшее число племен; из них к крупным относятся только два: катакин и салджиут.

Вряд ли стоит разворачивать здесь всю многообразную этническую структуру монголов, тем более, что образование новых родов и племен продолжалось и в эпоху Чингисхана, и после его смерти. Разного рода этнические и родовые особенности будут рассматриваться по мере необходимости. Теперь же рассмотрим этническую картину Великой степи в целом, так как для понимания дальнейших событий – то есть создания всемирной монгольской империи Чин-

гизидов – этот вопрос имеет первостепенное значение. Итак, кто же населял Великую степь накануне эпохи Чингисхана?

Сами монгольские племена нирун, несмотря на их относительную многочисленность (Рашид ад-Дин оценивает их количество примерно в миллион человек, хотя здесь вероятно преувеличение), занимали сравнительно небольшую территорию. Их основные кочевья располагались в нынешней Северной и Северо-Восточной Монголии и Южном Забайкалье у рек Онон и Керулен. На этой территории есть несколько относительно невысоких горных массивов, но в целом она представляет собой классическую степь, неплохо увлажняемую весной и летом и сухую зимой. Монголы искренне считали эту свою суровую родину лучшим местом на земле, и надо признать, что в этом есть доля истины, если встать на точку зрения кочевников. Для круглогодичного кочевого скотоводства условия здесь были самые подходящие. В сходных природно-климатических условиях проживали и три ближайших соседних народа – кераиты, меркиты и татары.

К западу от монголов-нирун, на равнинах Центральной Монголии, от среднего течения Селенги до верховьев Керулена и Онона кочевали кераиты – народ по-видимому, говоривший по-монгольски, но по обычаям значительно отличавшийся от коренных монголов. Во-первых, кераиты еще в 1007 году приняли христианство несторианского толка со всеми вытекающими отсюда последствиями – христианской обрядностью, крещением, моногамией (наложницы не воспрещались) и так далее. Трудно сказать, насколько далеко зашла христианизация у кераитов, так как кочевой образ жизни ей не очень способствует; однако, вне всяких сомнений, кераиты обладали куда более высокой культурой, чем их соседи-монголы. Во-вторых, кераиты, в отличие от монголов, составляли единую национально-государственную общность – союз племен, своего рода протогосударство во главе с ханом. Заметим, что, по всей вероятности, именно под влиянием кераитов институт ханской власти начал формироваться и у монголов. Первым известным нам по имени ханом кераитов был Маркуз (христианское имя – Марк). Он был захвачен в плен татарами, занимавшими южную, пограничную с Китаем часть Великой степи, которые передали хана для казни китайскому (чжурчжэньскому) императору. Жена Маркуза, Кутуктай, использовав военную хитрость в стиле сказок «Тысячи и одной ночи», жестоко отомстила татарам.[23] С этого времени два важнейших степных племени оказались в состоянии непрекращающейся вражды. А если учесть, что и с монголами татары вели себя так же, – второй монгольский хан Амбагай погиб в Китае, прибитый гвоздями к деревянному ослу (вид позорной казни), но захватили его в плен и передали чжурчжэням все те же татары – то сама судьба велела кераитам и монголам стать союзниками. Недаром внук Маркуза, знаменитый Ван-хан, был долгое время главным союзником Темучина, его названым отцом и настоящим ангелом-хранителем. И впоследствии кераиты легко влились в монгольский улус[24] и из их числа вышло немало близких соратников Чингисхана.

Севернее монголов, в Забайкалье, проживали племена воинственных и неукротимых меркитов. Происхождение их неясно и до сих пор вызывает споры среди историков. Часть исследователей считает их особой ветвью монголоязычных народов, некоторые относят к тюркам, но наиболее доказательной представляется версия их происхождения от палеосибирских народов. В условиях постоянных контактов с кераитами и монголами (а с монголами-дарлекин меркиты практически делили кочевья), межплеменных браков и даже включения в свой состав монгольских родов и семей, меркиты (в особенности южные) перешли на монгольский как язык межнационального общения.

---

[23] В сотне огромных мешков для кумыса она спрятала сто лучших кераитских воинов и отправилась с этим «даром» к татарскому вождю. Во время совместного пиршества по ее сигналу спрятавшиеся кераитские бойцы вырвались из мешков и порубили всех пировавших татар.

[24] Буквальный перевод слова «улус» – «люди». Однако уже с XII века оно фактически применялось в значении «народ-государство», включая в себя и население, и принадлежащие ему кочевья.

Меркитов и монголов в XII веке связывали своеобразные отношения. Мать Темучина Оэлун из монгольского племени олхунут была выдана замуж (по любви!) за меркитского воина, у которого и похитил невесту Есугэй-багатур. И после этого с большинством монгольских племен меркиты уживались вполне мирно, но с борджигинами их разделила непримиримая вражда. Позднее меркиты пленили юную жену Темучина Борте, и старший сын Чингисхана Джучи (Джочи) до конца дней своих не отмылся от прозвища «наследник меркитского плена». Это на меркитов Темучин совершил свой первый военный поход, который прославил в степи его имя и стал началом его фантастической карьеры. И в дальнейшем меркиты оставались едва ли не самыми стойкими врагами Чингисхана. Они не сдавались до конца и, даже разбитые монгольской военной машиной, не покорились и ушли на запад, где продолжали борьбу до тех пор, пока не погиб последний меркит. Надо подчеркнуть еще раз, что меркиты были именно *родовыми* врагами Чингисхана, а с остальными монголами они жили вполне мирно. В отличие от третьей группы кочевых племен, название которой, наверное, наиболее известно читателю – татар.

Татарские кочевья занимали обширные территории к востоку и юго-востоку от монголов. Сегодня это Восточная Монголия, район озера Буир-Нур и реки Халхин-Гол, и восточная половина китайского автономного района Внутренняя Монголия. Природные условия для кочевого скотоводства в этом районе великолепны, особенно в Прихинганье. Здесь можно было прокормить большое количество скота, а где скот – там и люди. Поэтому татары были довольно многочисленным народом – вероятно, самым могучим в степи. Но с ними сыграла злую шутку относительная близость к китайской империи Цзинь (Кинь). Значительная часть татар попала под культурное влияние Китая, а вместе с этим и в определенную зависимость от него. Эту большую группу племен называли «белыми татарами». Они находились в сфере влияния Чжурчжэньской империи (а до того – киданьской империи Ляо) и вынуждены были выступать как ее союзники против всех остальных степных племен. Две другие крупные группы назывались «черные татары» и «дикие татары». Третья группа по образу жизни мало отличалась от монголов, возможно даже, уступая им в культурном отношении. Эти три группы часто враждовали и между собой, но в целом занимали прочжурчжэньские позиции и потому чаще всего выступали как враги монголов, хотя уже при Темучине в 90-е годы XII века часть татар перешла на сторону будущего повелителя степи.

Этническая принадлежность татар до сих пор точно не определена. Важную роль здесь играет и то обстоятельство, что с легкой руки китайцев татарами стали называть едва ли не все население Великой степи. Даже в 1221 году приехавший в ставку наместника Чингисхана Мухали (джалаира по происхождению) посланник южнокитайской империи Сун Чжао Хунь называет окружающих татарами, хотя прекрасно знаком с названием «монгол». Более того, он утверждает, что сам Мухали называл себя татарином (после резни 1202 года[25] верится в это с трудом). Да и название его произведения – «Мэн-да бэй-лу», которое обычно переводят как «Полное описание монголо-татар», правильнее перевести как «Полное описание монголов, которые татары». То есть имя татар широко известно: так массы степных народов называют в Индии, Иране и Средней Азии. Имя же монголов новое, оно еще мало кому известно, и потому монголов превращают в особый род татар, хотя более непримиримых врагов, чем монголы Темучина и татары, в степи, пожалуй, и не было. Темучин всю жизнь считал, что татары виновны в смерти его отца, и отомстил страшно – в 1202 году, разгромив основную татарскую коалицию, он приказал вырезать всех татар до единого, кроме самых маленьких детей – «не выше колесной оси». Но (вот ирония судьбы!), перебив всех татар, он не избавился от того, что самих монголов многие народы продолжали называть татарами.[26]

---

[25] О событиях 1202 года подробно рассказывается в главе 7.

[26] Русские летописцы, рассказывая о монгольском нашествии на Русь, всегда называли захватчиков татарами. Впослед-

Другое обстоятельство, затрудняющее этническую идентификацию татар – то, что разные племенные татарские группы, вполне вероятно, говорили на разных языках. Большая часть их была тюркоязычной, но значительное число родов и племен, кочующих в непосредственной близости от монголов и кераитов, перешло, как минимум, на двуязычие, а может быть, и просто на монгольский язык. По крайней мере, при всех многочисленных случаях контактов татар и монголов, описанных в источниках, нигде не отмечается наличия какого-либо языкового барьера.

А теперь от самых ближних монгольских соседей перейдем к более дальним. И в первую очередь – к двум самым восточным народам сопредельных с монголами стран – киданям и чжурчжэням (манчьжурам). Поскольку история этих народов именно в XII веке претерпела гигантские изменения, здесь не обойтись без исторического экскурса. Начнем с киданей.

Происхождение киданей (иначе – китаев), как и многих других народов, весьма туманно. Проживали они севернее Великой Китайской стены, на территории современного Северо-Восточного Китая (провинции Хэйлунцзян и Гирин). В языковом отношении эти земли были пограничными между двумя группами алтайской языковой семьи – монгольской и тунгусо-маньчжурской. Поэтому одни историки считают их самой восточной ветвью монголоязычных племен, другие – самым западным ответвлением маньчжур. Вполне возможно, что они были двуязычными (нужда заставит), но то, что монгольский, во всяком случае, в XII веке, был основным, сомнений не вызывает.

ствии это привело к созданию совершенно нелепого термина «монголо-татарское иго».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.